
Прикладная этика: идея, основания, способ существования

В. И. БАКШТАНОВСКИЙ, Ю. В. СОГОМОНОВ

Рискнем предположить появление в ближайшем будущем в учебниках для магистров прикладной этики теста на выбор интерпретации базового понятия избранной ими специализации, содержащего набор следующих альтернатив: прикладная этика –

А) современная разновидность практической этики, предметным полем которой являются открытые моральные проблемы;

Б) практическая этика, предметным полем которой являются конкретные виды человеческой деятельности;

В) применение этических концепций к частным ситуациям;

Е) прикладная этика – нормативно-ценностные подсистемы, конкретизирующие мораль (этика бизнеса, журналистская этика, биоэтика и т.п.), и теория конкретизации морали, проектно-ориентированное знание, фронестические технологии приложени.

Какой же вариант будет предложен в качестве правильного?

В современных отечественных учебниках по этике доминируют версии А, Б и В. Наша версия – Е.

Скептически относясь к самому методу тестирования, представим и обоснуем нашу версию.

Идея развития прикладной этики, переживаемая в последние годы как сверхактуальная, имеет в современной отечественной науке о морали весьма давнюю историю. Подчеркиваем это, чтобы помочь постсоветскому этическому знанию избежать вольного-невольного предпочтения стратегии "догоняющей науки", адаптивно реагирующей на вызовы современных достижений за рубежом. Если от "догоняющей модернизации" всей стране пока не удастся уйти по объективным причинам, то в развитии прикладной этики наша наука о морали вовсе не обречена лишь на освоение зарубежного мейнстрима – есть возможность опереться на собственный потенциал, институализированное направление¹.

Потенциал связан с вполне определенной интерпретацией смысла прилагательного *прикладная* применительно к существительному *этика*. Эта интерпретация заключается, прежде всего, во включении в поле рефлексии о природе прикладной этики обеих ее сторон – моральной практики и этического знания, взаимообуславливающих

друг друга. Первая сторона – сформированные в процессе *конкретизации морали* нормативно-ценностные подсистемы ("малые системы"), регулирующие и ориентирующие сегментированные сферы общества: медицинская, юридическая, педагогическая, научная, экологическая, политическая, предпринимательская, журналистская и т.д. этики (морали). Вторая сторона – опирающаяся на этико-философские и этико-социологические средства познания теория конкретизации морали; воплощающие идею конкретизации морали концепции, описывающие каждую из прикладных этик (моралей); проектно-ориентированное знание, обеспечивающее исследование и преобразующее воздействие на "малые системы"; фронестические технологии приложения, *этическое ноу-хау* для взаимодействия двух сторон прикладной этики (рациональный анализ ситуаций морального выбора, этическое проектирование, этическое моделирование, этическая экспертиза и консультирование и т.п.).

Наконец, *смысл* прилагательного "прикладная" к существительному "этика" менее всего предполагает элементарную *аппликацию*, ибо речь идет о *приложении* как процессе морального творчества, процедуре *конкретизации*, акте морального *выбора*. Ситуация выбора – универсальная структура *приложения*. В нашей концепции *modus vivendi* прикладной этики – моральный выбор.

Прикладная этика как нормативно-ценностная подсистема

С определенной долей условности можно сказать, что современная *Вселенная морали* – это универсальное *ядро* нормативно-ценностной системы общества, вокруг которого обращаются *планеты* прикладных этик (моралей). Эти "планеты", нормативно-ценностные подсистемы морали формируются в процессах *конкретизации* морали.

Подчеркнем: конкретизация морали – не просто неизбежная *детализация* норм и оценок, обусловленная спецификой той или иной сферы человеческой деятельности как предмета *приложения* морального универсума. Если концентрировать внимание исключительно на изменениях в артикулировании норм или даже в конфигурациях ценностей – это будет лишь слабая версия *приложения*. Существует и сильная версия, толкующая о принципиальных превращениях морального феномена, сумма которых позволяет именовать обретенный в опыте культурной эволюции результат *"постестественной"*, *рациональной (рационализированной)* моралью.

Освоение моралью сегментированного социума посредством *предваряющей* конкретизации *обогастило* мораль, и она была востребована многообразными сферами человеческой деятельности. Востребованной благодаря тому, что, предприняв "на первых порах" вынужденное "отступление" из неведомых ей прежде автономных функциональных подсистем общества, мораль на стадии зрелости переходит к продуктивной "работе" в этих подсистемах, работе, которую предварило ее *приложение* к установкам, правилам, оценкам, обеспечивающим эффективность жизнедеятельности социальных подсистем.

Таким образом, мы исходим из того, что в процессе *конкретизации* общественной нравственности ставится и решается вопрос о подлинном *развитии* содержания общеморальных повелений, запрещений и разрешений, о развитии формы морали, ее своеобразного "кода", типов нравственной ответственности. И результаты такого развития не могут быть извлечены из всеобщих представлений и правил по аксиоматической методике – в этом случае прикладная этика имела бы дело лишь с элементарной аппликацией, в очень незначительной степени предполагающей *моральное творчество*.

Развитие содержания и формы морали в процессе конкретизации означает, во-первых, известное преобразование, в ряде случаев – переосмысление моральных представлений, норм, оценочных суждений, соответствующих нравственно-психологических чувств. Во-вторых, появление новых акцентов в способах "сцепления", когеренции норм, моральных ценностей, поведенческих правил между собой и со всеми другими (правовыми, административно-организационными, праксиологическими и

т.д.) требованиями и максимами, с всевластным обычаем. В-третьих, конкретизация – это изменение места соответствующих ценностей и норм в сложной конфигурации ценностного универсума. В-четвертых, развитие морали через ее конкретизацию предусматривает возможность возникновения *новых* установок, дозволений и запретов, не имеющих применения нигде, кроме определенной сферы деятельности, максимально способствующих повышению ее результативности, усилению гуманистических ориентаций деятельности в данных сферах и профессиях.

Указание на феномен конкретизации не отменяет сложного взаимодействия нормативно-ценностной системы общества с ее подсистемами. Так, одной из важнейших проблем моральной практики и этико-прикладного знания является соотношение этики профессиональной и этики *общеобщественной*, определение места и природы нравственных конфликтов, возникающих при столкновении ценностей общей морали и морали профессиональной, ценностей разных профессий, между ценностями одного и того же профессионально-нравственного кодекса.

Сама по себе конкретизация морали не артефакт, не искусственное образование, подобно, скажем, технике, а прежде всего, результат длительной и, во многом, ненамеренной культурной эволюции общества. В то же время как естественный продукт такой эволюции конкретизация морали является объектом внимания социальных институтов, пристального исследовательского и проектного интереса, и потому, во многом, зависит от деятельности ученых и осуществления программ деятельности различных институций.

Процесс конкретизации морали развивается в опыте деловой, политической, образовательной, медико-биологической, административной и т.п. деятельности в ходе усложнения социального управления, роста общественного, сословного и иного разделения труда, накопления регулятивно-ориентационного опыта внутригрупповых и межгрупповых отношений, формирования новых солидарностей, что было проанализировано и выразительно описано в трудах классиков политэкономии и социологии.

Из какого же духовного материала "лепятся" нормативно-ценностные подсистемы? Например, профессиональная мораль? Чаще всего авторы профилированных работ и учебных пособий, описывающих природу профессиональных этик (моралей), довольно упрощенно представляют дело таким образом, будто с незапамятных времен существовала некая, *уже сложившаяся*, "общественная мораль". Затем при каких-то обстоятельствах от нее откололась, сепарировалась часть, которой предстояло лечь в основу нормативно-ценностных подсистем, практикуемых в различных профессиональных сферах, стать как бы "прикомандированными" для "обслуживания" указанных сфер. Так ли это?

В таком подходе дает о себе знать инертное, неотрефлексированное должным образом понимание и *общества* – как некой надприродной данности, а не сложнейшего итогового продукта длительной исторической эволюции, – и морали. "Мы так привыкли к классифицирующим моральным утверждениям, аргументам и действиям, что забываем при этом, каким относительно новым было это понятие в культуре Просвещения", – пишет А. Макинтайр². До определенной поры, пока из разрозненных, разнородных и многоликих общностей со своими локальными поведенческими правилами не началось становление общества и общественной морали *per se*, с их известным универсализмом, не существовало актуальной потребности в соответствующих обозначающих понятиях. И это утверждение отнюдь не является данью социолингвистическому пуризму – без осмысления всей совокупности социальных процессов и последующего их понятийного оформления невозможно понять происхождение и природу Современности и выйти к рациональной интерпретации прикладной этики.

Нормативно-ценностные подсистемы – *ровесники морали в ее развитом виде*. И общество, и мораль – феномены Современности: превращение "предобщества" в общество, а "предморали" – в мораль представляет собой длительный исторический процесс, практически совпадающий со становлением гражданского общества, процессом модернизации и началом постмодернизации.

Но, может быть, для регуляции обособляющихся видов человеческой деятельности достаточно было инструментария, который предоставляла складывающаяся общественная мораль? В этической литературе распространена позиция, согласно которой процесс конкретизации норм и ценностей морали применительно к определенному виду человеческой деятельности заключается лишь в "дополнительской" и "исключительской" функции нормативно-ценностных подсистем. Пример первого случая – из учебника по этике бизнеса: "В дополнение к тому, к чему стремятся все люди, человек, действуя в рабочей среде, берет на себя бремя дополнительной этической ответственности"³. Пример второго случая: в базовом сегодня учебнике по этике в разделе, посвященном прикладной этике применительно к наиболее распространенному виду нормативно-ценностных подсистем – профессиональным этикам – подчеркивается особое внимание "тем видимым отступлениям от общих моральных норм, которые диктуются своеобразием профессии". Причем речь идет о таких отступлениях, "которые претендуют на моральный статус"⁴.

Конечно, идея "исключения из правила", согласно которой мораль в экстраординарных случаях допускает совершение неморальных, а то и просто аморальных поступков, возникла неслучайно. Однако, оказавшись в трудно разрешаемой ситуации – сегментация социума породила, по выражению Н. Лумана, "парадоксы морального кода", – логика развития морали сделала очень важный "шаг в сторону" от подхода, который мы условно называем "исключительским". Когда в Новое время начался процесс расщепления уютного цельнокроеного мира ("дома") на отдельные функциональные подсистемы и открылся факт их выхода из-под привычно понимаемого морального контроля, логика в свою очередь автономизировавшейся морали, откристиализовавшейся в качестве специфического и универсального средства регуляции и ориентации поведения, задалась вопросом иного свойства: а что если дело вовсе не в исключениях, как, впрочем, и не в плачевном состоянии морали, "неосторожно угодившей" в не пригодные для нее сферы человеческой деятельности – политику, бизнес и т.д., а в формировании здесь особого типа, сферы, состояния морали? Или, лучше сказать, в (до)развитии морали? И тогда уместно беспокоиться не столько о проблемах соотношения морали и профессии (морали и политики, морали и экономики и т.п.), сколько о проблеме преобразования морали в тех случаях, когда она прилагается к политике, экономике, праву, воспитанию, науке и пр.

Не в этом ли процессе возникают нормативно-ценностные подсистемы морали?

Итак, конкретизация морали в "малых системах" предполагает не просто "дополнительные" нормы или "отступления" от норм общей этики, а (до)развитие морали. Акт приложения-конкретизации выступает как акт креации прикладной этики (морали). Выделим в этом акте три момента.

1. В процессе конкретизации возникает важная и сложная проблема перевода *идеально-должного* (вниманием к нему обычно довольствуется формальный анализ) в *реально-должное*. Мир идеально-должного, с его моралью безупречной мотивацией, взаимодействует с миром реально-должного, с его смешанной по истокам и по итогам мотивацией, оформляясь в "сцеплениях" институциональных и безынституциональных регулятивов, моральных по происхождению и функциям норм, ценностей, санкций и т.п. с множеством иных регулятивов – правовых, политических, экономических и т.п., и рождая тем самым множество конфликтов с обычно неясными, подчас спорными схемами их разрешения. При этом актуализируется проблема этической аутентичности инфраструктуры "малых систем", например, профессионально-нравственных кодексов. Отсюда необходимость в процессе этического проектирования профилактировать подмену кодексов "регламентами", "функциональными стандартами" и т.п.

2. В эпоху Высокого Модерна отодвигаются "на периферию" традиционные сегменты социума типа "производственных", "сервисных" и на передний план выдвигаются выходящие за профессиональные рамки медицины проблемы биоэтики; территориальные сегменты социума с этикой "низового" соседства; сегменты публичных гражданских отношений со сложным соподчинением прав человека и прав граждани-

на, с этикой новых солидарностей; виртуальный сегмент с его этикой дробления рациональности на техническую и коммуникативную (Ю. Хабермас) и т.д. Мультикультурность продуцирует новые возможности развития прикладной этики в радикально меняющихся измерениях социума. Таков один из возможных прогнозов развития прикладной этики как составной части *моральной онтологии*.

3. В акте креации "малых систем" повышенную роль играют *институционализованные субъекты этики публичных арен*: профессиональные ассоциации, группы внепрофессиональных мнений, центры этической экспертизы, этические офисы бизнес-компаний, организации публичного контроля, действующие на основе специализированных кодексов этические комитеты и т.д. В то же время этика публичных арен не отменяет *последнюю инстанцию* морального выбора – индивидуальное решение.

И, конечно, в акте креации особую роль играет этико-прикладное знание.

Этико-прикладное знание

Формирование представления о природе этико-прикладного знания требует определенной методологической проблематизации. Первый шаг в этом направлении – попытка прояснить позицию прямого или косвенного уклонения ряда зарубежных и отечественных исследователей от работы с понятием "прикладная этика", предпочитая ему понятие "практическая этика".

Тенденция такого предпочтения имеет несколько проявлений. В одном случае – потому что "практическая этика" рассматривается, например, П. Сингером, как предмет деятельности *морального философа*, ориентированного на практическое применение достижений *моральной философии*⁵. В другом случае практическая этика противопоставляется прикладной потому, что последняя интерпретируется лишь как аппликация классических нормативно-этических теорий к злободневным практическим моральным проблемам, например, потенциала концепции Канта применительно к дискуссиям о моральности добровольных абортов. И именно *так* понимаемой "прикладной этике" Дж. Кэллахан противопоставляет практическую этику как целенаправленное исследование для решения конкретных нравственно-конфликтных ситуаций⁶. В третьем случае предложена версия, согласно которой практическая этика фактически совпадает с этикой прикладной. Так, Р.Г. Апресян называет практической этикой ряд нормативно-этических систем, связанных с различными видами практической деятельности⁷.

Следующий шаг методологической работы – попытка прояснить позицию исследователей, в работах которых декларируется идентификация именно *прикладной этики*, однако последняя интерпретируется в качестве, во многом совпадающем со смыслом понятия "практическая этика". В рамках одной из версий, например, в англо-американской "Энциклопедии этики"⁸, характеристика прикладной этики – это фактически расшифровка тысячелетней метафоры "этика – практическая философия". Об этом говорят: утверждение, что прикладная этика – это применение этического подхода к практике для ее оценки "по этическим основаниям", апелляция к отстаиванию Сократом своего отказа бежать от незаслуженной казни, сведение акта *приложения* к анализу конкретных *ситуаций*. Методы прикладной этики фактически сведены к "традиционной казуистике": одна из идеализованных сложных ситуаций, рассматриваемых авторами, – Соломоново решение.

В рамках другой версий – интенсивно продвигаемой в научной и учебной литературе – среди подходов к идентификации прикладной этики активную роль играет идея *этики открытых проблем*. Речь здесь идет о таких проблемах, как смертная казнь, эвтаназия, трансплантация органов, продажа оружия и др., которые определяются как открытые на том основании, что имеют форму дилеммы, "каждое из взаимоисключающих решений которой поддается моральной аргументации". Новизна и специфика "моральной жизни в форме открытых проблем" в том, что "здесь нет правил, нет решения на уровне норм". И дело не в "недоработке" науки или общества, а в том, что

таких норм "в данном случае вообще не может быть" и потому "решение делегируется на индивидуальный уровень"⁹.

Итак, многие исследователи предпочитают понятию "прикладная этика" понятие "практическая этика" либо из-за неудовлетворенности *аппликационным* смыслом первого из них, либо из-за концентрации внимания на том общем, что есть у "практической этики" с этикой прикладной, без исследования их видовых отличий. В итоге "за кадром" остается содержание понятия, связанное с актом собственно *приложения* применительно к связи этического знания с практикой морали. Аналогичная ситуация и в случае предпочтения исследователями понятия "прикладная этика": и здесь особенности собственно прикладной этики, связанные с характеристикой акта *приложения*, остаются вне сферы специального внимания. Более того, идентификация *прикладной* этики как этики *открытых вопросов*, скорее, расширяет предмет первой (и в этом ее эвристичность), чем говорит о природе *приложения* этического знания и на самом деле оставляет смысл *акта приложения* тождественным смыслу *практического применения* философии морали.

Одно из объяснений – неотрефлексированность *интервала эффективности* формулы "этика – практическая философия". Мы полагаем, что она недостаточно эвристична для знания, которое в своей практичности исторически уже развилось до миссии и функции прикладного, в том числе проектно-ориентированного, технологизированного и т.п. Предмет же для этико-прикладного знания как второй ипостаси прикладной этики создает не мораль вообще, а прикладная этика в ипостаси *нормативно-ценностной подсистемы*.

* * *

Особая методологическая работа, необходимая для формирования представления о смысле прилагательного "прикладная" применительно к существительному "этика" – обращение к методологическому потенциалу современных исследований природы *приложения* знания. Конечно, на этом пути есть опасность допущения сциентистских притязаний этико-прикладного знания на роль "пастыря" морали. Впрочем, и отторжение всякой попытки идентификации прикладной этики по современным методологическим критериям – опасность не меньшая.

Одна из существенных методологических предпосылок формирования идентичности этико-прикладного знания – характеристика *акта приложения* через соотнесение универсальных характеристик "фундаментальная наука – прикладная наука", которые, в свою очередь, выводят на проблемы проектно-ориентированного знания, социальной инженерии, социальных технологий, фронезиса. Не имея возможности представить здесь процесс нашего поиска в этом направлении¹⁰, сформулируем минимум необходимых тезисов.

1. В идентификации этико-прикладного знания применение науковедческой *оппозиции* "фундаментальное знание – прикладное знание" вполне эффективно.

Учитывая дискуссионность критериев для различения и связи этих характеристик, важно подчеркнуть, что прикладная этика не сводится к элементарной аппликации фундаментального этического знания – это, скорее, характерно для некоторых версий *практической* этики. Относительная самостоятельность прикладной структуры системы этического знания объясняется тем обстоятельством, что она не просто *использует* какую-либо информацию фундаментальных этических исследований, но создает практически новое знание, преобразованное для нужд практики.

Этико-прикладное знание – это, во многом, *изобретение нового знания*.

2. Характеристика *акта приложения* как условия формирования идентичности этико-прикладного знания конкретизируется при подходе к нему как виду *проектно-ориентированного знания*.

Аргументация этого тезиса опирается, во-первых, на трактовку *акта приложения* в современных методологических концепциях проектно-ориентированного знания, наглядно проявляющуюся при сравнении двух ситуаций. В первой речь идет о попытке применить уже существующее, «изготовленное для чего-то другого "знание"» *не по функции*, а «придельвая устройство, которое нам позволяет использовать полученную конструкцию как "приклад" или "протез"». Во второй ситуации вместо "изготовления протезов" значима задача изготовления сразу того, что должно использоваться¹¹.

Во-вторых, прикладная устремленность проектно-ориентированного знания проявляется в подчинении *познания* нормативно-ценностных подсистем задаче их *развития*, в том числе через конструирование моделей инфраструктуры нормативно-ценностных подсистем, разработку технологий связи этического знания с моральной практикой, проектирование целевых и инструментальных блоков социально-управленческих программ (напр., кодексов и конвенций), институций экспертизы, принятия и исполнения решений (этических офисов фирм, этических комиссий ассоциаций и т.д.) и т.п.

При этом важнейшее "техусловие" освоения методологических предпосылок из вне-этических сфер знания – формирование особого стиля проектной деятельности в сфере прикладной этики, предполагающего опору на *моральное творчество субъекта*.

3. Существенная методологическая предпосылка проектирования этико-прикладного знания – освоение *идеи фронезиса*.

Рассматривая технологичность этического знания как один из ключевых факторов его квалификации в качестве этико-прикладного, а программы, эталоны, проекты, экспертные заключения, кодексы, этические комиссии, методики и т.п. продукцию прикладных исследований и разработок как "опредмеченную силу" прикладной этики, уместно интерпретировать их как *фронестические* технологии (как на этапе их создания, так и в процессе их применения).

Не забывая о том, что понятие "фронезис" используется в различных методологических подходах и, соответственно, трактуется и употребляется далеко не однозначно, выделим разделение Гадамером технического и гуманитарного ноу-хау, различение элементарной *аппликации* знания как технической процедуры и *интерпретации* как творческой конкретизации¹².

Для нас *идея фронезиса* – один из гносеологических и социокультурных идеалов этико-прикладного знания, не просто профилактирующий риск его технократической интерпретации при освоении достижений проектно-ориентированного знания, но и дающий основание для интерпретации технологий приложения этического знания как *этического ноу-хау*. В целом освоение идеи фронезиса в прикладной этике – знание-умение в сфере морали, существенно ориентированное на индивидуальность приложения – проявляется и в *мягком теоретизировании* (например, в этике воспитания¹³), и в мудрости индивидуального морального выбора, и в технологиях связи первого со вторым. Идея фронезиса эвристична не только в процедуре применения нормы к конкретной ситуации, в чем, кстати, весьма успешна модель этики как практической философии, но и в разработке технологий прикладной этики – этического моделирования, экспертизы, проектирования и т.п. Так, например, фронестична технология этической экспертизы и консультирования, снимающая противоречие между абстрактно-научным знанием и собственно практическим умением: диалогическая, "понимающая" природа фронезиса предполагает не просто передачу "готового" результата научного исследования для "внедрения", но совместный (эксперта и субъекта, принимающего решение) поиск решения проблем.

* * *

Рассмотрев методологические предпосылки идентификации смысла прилагательного *прикладная* к существительному *этика*, перейдем к краткой характеристике

трех структур этико-прикладного знания, опираясь на наш опыт развития концепции прикладной этики.

1. Основная идея становящейся, еще только выходящей из формата гипотезы, теории конкретизации морали представлена в предшествующем параграфе. В арсенале этой теории выделим концепции морального выбора как *modus vivendi* прикладной этики; этики гражданского общества как особого этапа социо-культурной динамики морали и интегратора нормативно-ценностных подсистем; инвариантную концепцию общепрофессиональной этики.

Суть первой из трех концепций: в природе морального выбора содержится важнейшая *предпосылка* формирования и развития прикладной этики в обеих ее ипостасях. *Сущностная предпосылка*: ситуация выбора – универсальная структура *приложения*.

Ситуация морального выбора – предпосылка *креации* прикладной этики (морали). Во-первых, потому что предполагает выбор в пользу моральности и акт самоопределения субъекта к той или иной системе нравственных ценностей. Во-вторых, потому что предполагает *акт приложения* как *конкретизации* универсальной (общеобщественной, общечеловеческой) моральной системы *применительно к "малым системам"*. В-третьих, потому что выбор является *актом конкретизации морали в поступке*. В-четвертых, потому что в ситуации выбора содержится запрос на "фронезис", "этическое умение" в сфере принятия моральных решений, запрос, который по мере развития и практики, и теории морали, становится существенным моментом этико-прикладного знания (вторая ипостась прикладной этики).

Однако в природе морального выбора мы видим не только *предпосылку*, но и одно из *оснований* прикладной этики, *способ ее существования*¹⁴. И, может быть, даже так: способ существования прикладной этики как науки и искусства морального выбора. Морального выбора как *науки и искусства приложения*. *Приложения* как рациональной процедуры *конкретизации* морали в ипостаси *нормативно-ценностной системы*. *Рациональной* процедуры морального творчества. *Рациональных оснований*: предпочтение субъектом, принявшим саму моральность, в пользу нормативно-ценностной системы гражданского общества (этика гражданского общества, "постестественная", рациональная мораль); самоопределения субъекта, принявшего нормативно-ценностную систему гражданского общества, к ценностям и нормам той или иной конкретизированной морали – в рамках изобретения гражданским обществом "малых систем"; выбора, совершаемого субъектом в такой ситуации приложения, как нормоприменение (в том числе морального решения в ситуациях нравственного конфликта). И не только в ситуациях, характерных для "малых систем", но и, *в допустимой мере*, ситуациях нравственной жизни индивида.

Что касается *ответа* прикладной этики в ипостаси *проектно-ориентированного этического знания*, то он выражается в виде обеспечения рациональных оснований выбора субъекта посредством "технологического" – моделирующего, экспертирующего, проектирующего, консультирующего и т.п. потенциала этико-прикладных исследований и культивирования фронестической способности субъекта.

Неслучайно одна из наиболее разработанных нами прикладных этик – журналистская, представлена в монографии с красноречивым названием "Моральный выбор журналиста"¹⁵.

Обращаясь к сути концепции *этики гражданского общества*, отметим, во-первых, что речь идет об общем для "малых систем" *типе морали*, сформировавшемся на определенном этапе ее исторического развития, в условиях индустриального и постиндустриального общества – морали посттрадиционной, рациональной¹⁶, а во-вторых, о своеобразном интеграторе "этик публичных арен", прикладных нормативно-ценностных систем.

Важный признак конкретизации морали применительно к этике гражданского общества зафиксирован в известном императиве Гегеля: "Будь лицом и уважай другие лица!". Эта выразительная формула требует совершать поступки и понимать поступки Других, пользоваться благом свободы без ущерба свободе Других, опираться на са-

мостоятельно выстроенную иерархию ценностей и на ее основе производить моральный выбор, принимая личные решения под личную ответственность. В целом речь идет о базовом элементе системы ценностей гражданского общества, о вполне определенной этике, без понимания которой трудно себе представить как само гражданское общество, так и конкретный институт, призванный руководствоваться этими ценностями в своей деятельности и культивировать их.

Важнейшие ценности гражданского общества, являющиеся конкретизацией его этики, – свобода выбора, рациональность, индивидуализм, профессионализм, деловой и жизненный успех, гражданское участие и т.д.

В основе концепции *общепрофессиональной этики*¹⁷ – предложенный нами алгоритм исследовательской и проектной рефлексии в сфере той или иной профессиональной этики. В рамках *первого* шага: характеристика *миссии* (а не просто *функции*) профессиональной этики; идентификация профессиональной этики как вида этико-прикладного знания и одной из подсистем нормативно-ценностной системы общества; анализ соотношения этики (морали) профессиональной и этики *общеобщественной*; определение места и природы нравственных конфликтов, возникающих при столкновении ценностей общей морали и морали профессиональной, ценностей разных профессий, между ценностями одного и того же профессионально-нравственного кодекса. *Второй* шаг: анализ "морального измерения" природы профессии как основание для структурирования профессиональной этики. В рамках этого "измерения" обсуждаются различия между профессией и *вне*профессиональными видами человеческой деятельности; специфика *высоких* профессий; этос профессиональной корпорации, саморегулирование профессии. *Третий* и *четвертый* шаги: апология и критика профессионализма в его "моральном измерении" и рефлексия ценностей и норм этики профессионального успеха. *Пятый*: идентификация "мировоззренческого яруса" профессиональной этики: подход к выбору профессии как к процессу морального выбора, обсуждение дилеммы "служение в профессии или жизнь за счет профессии?" и т.д. *Шестой* шаг алгоритма: обращение к нормативному ярусу профессиональной этики, исследование природы и духа профессионально-этических кодексов. *Финальный* шаг: характеристика технологий приложения профессионально-этического знания.

Концепция общепрофессиональной этики представлена в нашем опыте исследованиями политической¹⁸, журналистской, предпринимательской¹⁹ этик, этики образования²⁰ и этики воспитания.

Проектно-ориентированное знание как структурный элемент прикладной этики представлено в нашем опыте в разработке этики успеха²¹, системы ценностей гражданского общества, этоса среднего класса²² и т.д. Обратимся здесь к последнему проекту, полагая, что в нем проявлены существенные признаки проектно-ориентированного знания.

Ценности среднего класса исследовались и проектировались в диапазоне "нормативная модель – отечественные реалии". Актуальность проекта мотивировалась, прежде всего, неотложной необходимостью поиска выхода из кризиса идентичности, имеющего в модернизирующейся России общесоциальный, социально-групповой и индивидуальный масштабы. На наш взгляд, идея культивирования этоса среднего класса выступает одним из ориентиров новой самоидентификации как для общества в целом, так и для отдельных социальных групп и, тем более, для множества индивидов, осознающих естественную связь попытки понять, "куда идет Россия?" с попыткой выстраивания своего личного биографического проекта в противоречивой ситуации транзита.

Проект программировал для ситуации духовно-нравственного кризиса необходимость *рационального* подхода к новой "переоценке ценностей" и предлагал активизацию поиска и культивирования таких ценностей и норм, которые, с одной стороны, способны противостоять доминировавшей в период радикально-либеральной стратегии реформ *агрессивно-циничной парадигме* идеи успеха, с другой – не утратить потенциал *этически полноценной* идеи успеха, не дать заменить ее, поддаваясь маятниковой

инерции, некоей "этикой бедности", а то и "этикой новых бедных". Идеалы и ценности *ответственной этики успеха* призваны вдохновить и либерально ориентированный слой населения, и *средне-средний, и низший слои среднего класса*. В то же время эти идеалы и ценности, вдохновляя слои среднего класса энтузиазмом, должны противостоять заметной тенденции уклонения от ориентации на ценности рыночной экономики и демократические ценности.

Проект выявил основные черты ситуации становления этоса российского предпринимательства: *историческая задержка* в становлении нормативно-ценностной системы и напряженная, можно сказать, *пограничная ситуация выбора между патосом и этосом*. И, разумеется, были предложены программы культивирования ценностей среднего класса.

Характеризуя еще одну структуру этико-прикладного знания – во-первых, технологии исследования прикладных этик (моралей), во-вторых, технологии проектирующего воздействия результатов этих исследований на практику "малых систем", – мы считаем *риторическим* вопрос о том, может ли и должно ли этико-прикладное знание дать моральному субъекту нечто большее, чем квалификацию ситуации морального выбора как "бремени", передав ответственность за выбор всецело самому субъекту. Уточним: передать ответственность за выбор всецело самому субъекту этико-прикладное знание не только может, но и должно – чтобы не подменить нравственные искания личности, сообщества, общества в целом. Но вполне может – и должно – не позволить себе "умыть руки". Может и должно создавать многообразные технологии приложения.

В нашем опыте разработаны и внедрены в практику основные технологии этико-прикладного знания²³. *Этического проектирования* (например, корпоративной институции профессионально-этической экспертизы "Центр медиаэкспертизы" или этической комиссии профессиональной ассоциации в "несудебном" – консультативном формате). *Этического конструирования* (например, конвенции профессионального сообщества журналистов или миссии университета). *Этической экспертизы* (общественной, гражданской); один из примеров – экспертиза проекта этнонациональной политики в регионе. *Этического консультирования* ассоциаций и организаций (например, рефлексии ценностных ориентиров технологий гражданской активности НКО – таких, как общественная экспертиза, переговорная площадка, гражданские экспедиции, гражданский контроль, общественные дебаты, общественные слушания и т.п.). *Этического моделирования* (серия этико-прикладных игр, применяемых в большинстве наших проектов). Технология *управленческого воздействия* на нравственно-воспитательную деятельность (на примере трудового и учебного коллективов). Технологии учебного (в рамках "этического практикума") и исследовательского "кейс-стади" (самопознание образовательной и журналистской корпораций).

Один из важных аргументов в пользу идентификации технологий прикладной этики как *этических* связан с развитием в них потенциала *испытания выбором*, который проявляется в каждой из технологий прикладной этики. А особенно – в игровом моделировании, являющемся в нашем опыте элементом и экспертизы, и консультирования, и проектирования, и образования и т.д. Этико-прикладные *игры* – способ включения лиц и групп, принимающих решение, в *ситуацию морального выбора*, стимулирующую этическую рефлексию.

«Согласия по поводу смысла термина "прикладная этика" достичь так и не удалось», – констатирует "Международная энциклопедия этики"²⁴. Нет согласия и в отечественной этической литературе: неслучайно редакторы Энциклопедического словаря "Этика" решили дать две статьи на одну тему. Но в (не)согласии ли дело? На наш взгляд, сегодня важнее испытать эффективность разных концепций прикладной этики: анализом их реального эффекта в исследовании конкретных "малых систем"; разработкой know-how прикладной этики.

Свои результаты такого рода испытания мы предъявили выше.

Разумеется, и к развитию прикладной этики (в обеих ее ипостасях) необходимо отнестись известную метафору о "никогда не завершающемся процессе".

Примечания

- ¹ См.: История этических учений / Под ред. А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2003. С. 892.
- ² *Макинтайр А.* После добродетели. Исследование теории морали. Екатеринбург: Академический проект. Деловая книга, 2000. С. 56–57.
- ³ *Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К.* Этика бизнеса. М.: Дело, 2000. С. 50.
- ⁴ *Гусейнов А.А., Апресян Р.Г.* Этика. М., 1998. С. 393–395.
- ⁵ *Singer P.* Practical ethics. Cambridge University Press, 1993. P. 3.
- ⁶ См.: *Callahan J.C.* From the 'Applied' to the Practical: Teaching Ethics for Use // *Teaching Philosophy* / Ed. T. Kasachkoff. Lanham, Maryland: Roman & Littlefield, 1998. P. 61–73.
- ⁷ *Апресян Р.Г.* Вид на профессиональную этику // *Общепрофессиональная этика. Ведомости. Вып. 25* / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004. С. 165.
- ⁸ *International encyclopedia of ethics. Second Edition* / Eds. L.C. Becker, C.B. Becker. New York and London: Routledge. V. 1. A-G. Applied ethics. P. 80.
- ⁹ См.: *Гусейнов А.А.* Размышления о прикладной этике // *Общепрофессиональная этика. С. 152.*
- ¹⁰ См.: *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Введение в прикладную этику. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2006. Глава 3.1.
- ¹¹ *Попов С.В.* Проблема гуманитарного знания // *Материалы Второго Методологического конгресса (18–19 марта 1995 г.)*. На сайте "Методология в России" www.circle.ru.
- ¹² См.: *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М., 1988. С. 402, 592.
- ¹³ *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Этика и этос воспитания. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2002.
- ¹⁴ См.: *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Введение в прикладную этику. Главы 2 и 6.
- ¹⁵ *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Моральный выбор журналиста. Тюмень: Центр прикладной этики, 2002.
- ¹⁶ См.: *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Гражданское общество: новая этика. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2003.
- ¹⁷ См.: *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2005.
- ¹⁸ *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Этика политического успеха. Тюмень–Москва: Центр прикладной этики, 1997.
- ¹⁹ *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Честная игра: нравственная философия и этика предпринимательства. Т. 1–2. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1992.
- ²⁰ *Становление духа университета: опыт самопознания* / Под ред. В.И. Бакштановского и Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2000.
- ²¹ См., напр.: *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А.* Российская идея успеха. Введение в гуманитарную экспертизу // *Этика успеха. Вып. 10.* Тюмень–Москва, 1997.
- ²² См.: *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Этос среднего класса: Нормативная модель и отечественные реалии. Тюмень: Центр прикладной этики; НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2000.
- ²³ См. в наших работах: Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1986; Выбор будущего: к новой деонтологии воспитания. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1991; Этика политического успеха; Моральный выбор журналиста; Этика профессии: миссия, кодекс, поступок; а также в коллективных работах: "Будь лицом!" Рабочие тетради Гражданского форума. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2004; Тетради гуманитарной экспертизы (4). Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2000 и др.
- ²⁴ См.: *International encyclopedia of ethics. P. 49.*